

и начальствѣхъ есме, — говорит он, — не подѣ тѣми же ли укореніи и клятвѣ подлежащимъ, иже отринувше вѣру, не яже во Христа бога нашего, да не будетъ, но еже вѣровати и послушати владычныхъ заповѣдей». . . .¹ И эти слова служат переходомъ ко второй части произведения, которая дает картину злоупотреблений и злодеяний, творимых органами административно-судебной власти. Несмотря на обобщенность своей литературной формы, картина эта, без сомнения, относится къ Московскому государству. Изображаются порядки православной державы въ противоположность ляхамъ и немцамъ, «иже, аще и латина суть по ереси, но всякимъ правосудіемъ и челоуѣколюбіемъ правятъ вещи подручничювъ. Гдѣ у латинумудренныхъ онѣхъ обрящещи сицевъ образъ неправосудія, яковъ же нынѣ есть держаемъ у насъ православныхъ?»² Что речъ идет не о православныхъ вообще, а именно о Московской Руси, на это указываетъ упоминаніе «благовѣрнаго царя»³ и «благовѣрной державы». Максимъ Грекъ говоритъ: «Познаимъ убо и мы себе и отступимъ всякія злобы нашея, неправды, лихоиманія, гордости сатаничeskія, блуженія содомскаго и гоморскаго, очистимъ увѣренную намъ отъ всѣхъ бога и владыки благовѣрную сію державу, очистимъ отъ всякаго беззаконія, неправданія же и жиловскаго сребролюбія и лихоиманія.»⁴ Прежде всего Максимъ упрекаетъ властей въ несправедномъ суде вообще, во взиманіи мзды съ правого и виноватаго: «мы, елицы во властвѣхъ и начальствѣхъ есме, — говорит он — . . . ниже судъ (псир. вм.: суть) праведно судимъ, ниже милость являемъ ко обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ множайшу мзду, или обидя или обидимъ, обои слухи даемъ ему. волею преслушающе страшнаго судію, претящаго намъ своимъ пророкомъ, глаголющемъ: горе оправдающимъ нечестиваго мзды для и праведное праведнаго вземлющаго.»⁵ Максимъ обвиняетъ далее судей и наместниковъ не только въ нарушении правосудія, но и въ допущеніи со стороны ихъ слугъ вопиющихъ злодеяній, въ томъ, что эти агенты власти подкидываютъ ночью вещественныя улики преступленія въ дома состоятельныхъ людей или бросаютъ трупъ мертвораго челоуека посреди улицы, чтобы затемъ начать дело об убійствѣ и съ корыстной целью подвергать допросу не только одну улицу, но целую часть города, въ которой произошло мнимое преступленіе. Вообще наши власти, ведающіе управление и суд, разжигаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ, по словамъ Максима, «обидятъ,

¹ Ibid., стр. 199.

² Ibid., стр. 201.

³ Ibid., стр. 199.

⁴ Ibid., стр. 208.

⁵ Ibid., стр. 199.